

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Р. Гусева, С. И. Потабенко

НАХОДКА В ВЕРХНЕЙ СВАНЕТИИ

В 1971 г. в Верхней (или Горной) Сванетии, вблизи г. Местии, нами было найдено валунное изваяние, не описанное до сих пор, насколько нам удалось выяснить, ни в научной, ни в научно-популярной литературе.

В 1972 г. мы вернулись в Местию, чтобы собрать всю требуемую информацию, связанную с этой находкой, и сделать необходимые фотоснимки.

Валун лежал на территории травяного аэродрома, ограниченного с одной стороны дорогой, идущей к северу от поля по берегу р. Местичала, с другой — горами. Валунное изображение находилось между посадочной полосой и дорогой, в 30 м от начала полосы.

На всей территории аэродрома не было ни одного камня подобного вида и размера. Валун имеет яйцевидную форму. Когда мы его обнаружили, он был примерно до половины погружен в землю (по долевой оси). Надземная поверхность выглядела как некое подобие головы или черепа животного (по всем чертам — жвачного), хотя нельзя исключить предположение, что это могло быть грубое антропоморфное изображение. На голове (или черепе) рогов не было, была изображена не то шапка с широким ободом по низу, не то что-то вроде круглого, плотно прилегающего шлема.

В свой второй приезд, в октябре 1972 г., мы пригласили к месту находки директора Краеведческого музея г. Местии А. Э. Квициани и сотрудников музея; все вместе мы тщательно осмотрели надземную часть валуна-«черепа» и измерили ее.

Размеры его (по предварительному замеру) следующие (в см): долевая ось — 105—110; поперечная (в височной части) — 80—85; высота над землей — 60—65.

Симметрично расположенные глазные впадины разделяются широким носом (или носовой костью), недифференцированно переходящим ко рту и подбородку. В целом очертания носа и ротовой части все же больше всего напоминают верхнюю челюсть быка или барана.

Возможно, впадины были естественными углублениями на большом валуне, и именно это некогда привело человека к мысли обработать его, чтобы придать ему или характер объекта культового поклонения, или просто зооморфной скульптуры.

Несмотря на то что валун был покрыт слоем лишайника и подвергся выветриванию, на его надземной части четко прослеживался приподнятый обод шапки или шлема шириной около 8—9 см, охватывающий лоб от виска до виска. На «шапке» можно увидеть неотчетливые узкие выпуклые линии от лба к макушке и от правого виска к левой заушной области. Такой головной убор больше всего напоминает круглую шапочку «сванури», которую носят сваны. Нижний край сванури контурован

двумя параллельно нашитыми (в 5—6 см один от другого) шнурами. шнуры крестообразно пересекаются также на тулье, и один конец шнура длиной в 20 см свисает вниз на плечо или на спину; иногда его перебрасывают сзади на плечо вперед.

Когда мы выкатили валун из его земляного ложа, то обнаружили, что на его затылочной части обод продолжался без перерыва; только

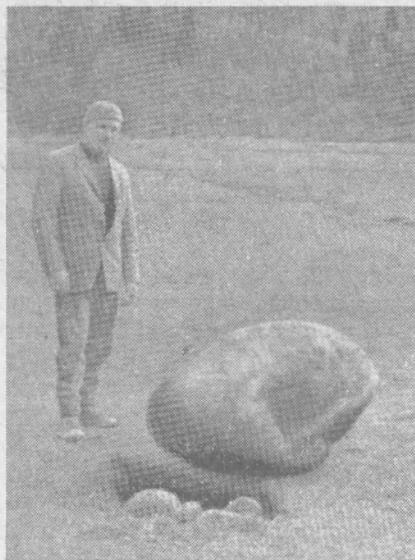

Рис. 1. Сван в традиционной шапочке «сванури» около валунного изваяния

здесь он сохранился лучше, чем на лобной: он не подвергся выветриванию и был несколько выше налобного, а края его хранили четкие следы оббивки. От середины затылочной части обода вниз и налево (как бы в направлении левого плеча) шла выпуклая узкая полоска (шириной в 2 см), напоминающая шнур, который свисает со сванури. По тулье шапки тоже шли нечеткие узкие полоски, которые проследить не удалось из-за того, что нижняя часть валуна была густо залеплена глинистой землей. Все же было ясно видно, что вся ее поверхность хранила следы пуансонной обработки, в результате которой выпуклыми остались только обод и полоски. На надземной части следы этой обработки уже почти стерлись¹.

В силу того, что, по согласованию с АН ГрузССР, расчистка валуна была временно отложена директором музея, до прибытия в Горную Сванетию археологической экспедиции, ничего более определенного о технике и качестве обработки этого изваяния сказать сейчас нельзя.

Этот «череп» был погружен в землю на 40 см. Он был ориентирован по странам света следующим образом: подбородок обращен на юг (или юго-юго-восток), а теменная часть на север (или северо-северо-запад).

Беседуя с местными жителями, мы пытались выяснить все, что только возможно, об этом валуне, и прежде всего, почему его не вывезли с территории аэродрома, несмотря на то что он представляет собой определенную опасность для садящихся самолетов (в Местию летают лишь небольшие бипланы).

На этот вопрос определенного ответа получить не удалось. Выяснилось лишь, что раньше поле служило для выпаса скота и было разделено между сванскими родами Местии. Участок, на котором мы обнаружили валунный «череп», принадлежал роду Хергиани (из которого вышел всемирно прославленный альпинист-скалолаз Миша Хергиани). Однако мы не получили никаких конкретных сведений о связи этого изваяния с преданиями рода. До нас дошли только косвенные слухи о том, что камень почему-то нельзя было удалять с поля, но причин никто объяснять не стал (не исключено, что разговоры об этом изваянии, имеющем явно сакральное значение, до сих пор считаются табуированными).

¹ Возможно, датировка этого зооморфного (или антропоморфного?) изображения поможет определить, как давно бытует сванури в Сванетии. Дата не обязательно совпадает с появлением этого типа головного убора мужчин, но укажет на то, что в момент изготовления изваяния сванури уже были известны.

В беседах с информаторами — Отаром Джапаридзе, Александром Нигуриани, Шукро Маргиани и рядом других лиц² — мы старались собрать сведения этнографического характера, прямо или косвенно связанные с видом валунного изваяния и местом его расположения. Полученная информация дает основания предполагать, что найденное изваяние связано с древним охотничьим культом, и конкретно с культом бога туров. Этот культ имел, совершенно очевидно, широкое распространение в среде сванов, так как и до сих пор здесь бытуют сильнейшие его пережитки. Нам были показаны, например, старые родовые дома, под навесами крыш которых от угла до угла были подвешены гирлянды из нижних челюстей убитых туров. На некоторых домах на самом углу крыши укрепляется черепная коробка тура с верхней челюстью. Многие охотники вмазывают рога убитых туров в стену двора снаружи над воротами.

С охотой на туров — исконным и главным видом охоты сванов — связан ряд обычаев, запретов и ритуальных актов, некоторые из них бытуют и сейчас. Так, перед охотой на тура сван не должен приближаться к жене в течение трех-четырёх ночей. Рано утром он тщательно моется, надевает чистое белье и уходит в горы на охоту. В дни, когда у кого-либо из женщин в семье менструация, на охоту ходить нельзя.

В религиозно-мифологических традициях сванов богиней охоты является Дали, но вместе с тем большую (если не главную) роль играет святой Джграг — в грузинском христианстве это святой Георгий. Все, с кем мы беседовали, говорили нам, что он считается в Сванетии главным христианским святым и фактически воспринимается (или трактуется) здесь как верховное божество. Свидетельства наших информаторов позволяют сделать вывод, что в сознании людей св. Джграг выступает как некий собирательный образ, вобравший в себя основные черты святых — покровителей мужчин, т. е. совершенно очевидно, черты дохристианских богов — покровителей воинов и охотников.

Традиция предписывает обращение перед началом охоты к св. Джграгу с просьбой о помощи. Выслеживая тура, охотник тоже должен просить этого святого о добыче.

Белого тура, равно как и тура с белой отметиной, убивать нельзя, так как это животное считается воплощением бога туров (или, по другой информации, собственностью бога туров), и охотники суеверно боятся мести этого божества.

Подстрелив тура, сван должен вскрыть ему брюшину, извлечь сердце и печень и тут же на месте, изжарив их на костре (в огонь нужно бросить кусочек принесенного с собой пчелиного воска), съесть. Это жертвоприношение посвящается св. Джграгу, или, по другим объясне-

Рис. 2. «Затылочная» часть изваяния, которая была скрыта в земле

² Пользуюсь случаем выразить благодарность за информацию друзьям из Местии: А. Квициани, О. Джапаридзе, А. Нигуриани, Ш. Маргиани.

Рис. 3. Церковь охотников в Местии (на стене у двери видна копоть от костров)

ниям, турьему богу или «хозяину туров». Такая разветвленная обрядность относится здесь только к турам, которых называют «божьими животными». Охота на других животных не связана с особыми ритуальными действиями.

Принеся тушу тура домой, охотник согласно обычаю должен отдать ее на дальнейшую разделку, оставляя лишь правую переднюю ногу с лопаточной частью. Считается, что эта часть туши принадлежит все тому же богу, и охотник (или охотники) вечером должен принести ее в жертву в определенном месте, а именно в церкви охотников. У каждого селения сванов есть такая церковь. Что касается местийской церкви, то она расположена на склоне горы над самым аэродромом, и дорога, ведущая к ней от Местии, проходит вблизи валуна — «черепа».

Эта церковь представляет собой небольшое — около 12—15 м²— каменное беленое здание под двускатной крышей. В ней нет ни икон, ни каких-либо других сакральных изображений. С наступлением темноты охотники должны принести сюда оставленную часть туши убитого в этот день тура, развести костер снаружи у стены церкви, поджарить мясо (иногда приносят уже поджаренное мясо), тут же съесть его, запив аракой, а очищенные от мяса кости плеча и лопатки положить в церкви в отгороженный камнями угол, написав или нацарапав свое имя (или имена) на лопатке.

Совершенно очевидно, что эта церковь была возведена в христианскую эпоху на месте совершения древних охотничьих треб.

Рассматривая валунное изваяние в свете собранных данных и принимая во внимание его местоположение, можно высказать предположение, что его следует связывать с культом турьего бога, который, возможно, в древности почитался сванами в форме турьей головы или турьего черепа. Известно, что у сванов существовал культ мифических животных; в Сванетии, как и в других областях Грузии, почитались также божества-покровители крупного рогатого скота и земледелия³. Но нам не удалось найти какие-либо указания на то, что обряд поклонения турьей голове или черепу сохранялся в культовой практике ныне живущего или предыдущего поколения. У соседних со сванами народов

³ «Народы Кавказа», т. 2, М., 1962, стр. 318.

(с которыми они поддерживают тесные дружеские отношения) — у кабардинцев и черкесов — вплоть до XX в. почитались древний бог лесов и покровитель охотников и диких зверей, образ которого, судя по фольклорным данным, имел некоторые зооморфные черты, и в частности рога⁴.

Наше внимание привлекло сообщение одного из информаторов — профессионального охотника, который сказал, что территория аэродрома и примыкающий к нему склон горы, где стоит описанная церковь, считается у них «старой турьей фермой святого Джграга»; дословно приводим его выражение: «очевидно, здесь было турье стойбище».

В восприятии современного поколения представления о святом Джграге явно переплетаются со старыми представлениями о боге-туре. Молодежь не позволяет себе неуважительно отзываться об этом недифференцированном образе бога-святого-тура, но и говорит о нем вместе с тем уже без ярко выраженного суеверного страха и религиозно-мистического отношения. Если валун представляет собой зооморфное изображение, то шапка на нем должна, видимо, показать, что это не просто изображение животного, а божество.

В ряде ритуалов сванов костям животных отводилась особая роль. Так, на кладбище в Местии есть старая липа с треснувшим стволом; на дне трещины мы видели челюсти быков (или туров, что уточнить не удалось). Здесь следует вспомнить о том, что кости людей, членов каждой семейно-родовой группы сванов, согласно обычаю, должны были накапливаться в одной могиле. Покойников подхоранивают в ту же могилу до тех пор, пока уровень костей не достигнет поверхности земли, и лишь тогда освящают новый участок земли и начинают заполнение новой могилы. Где бы ни умер сван, его тело, по обычаю, обязательно должно быть доставлено в родное селение и погребено указанным способом. Если тело не могут обнаружить и предать ритуальному погребению, человек не считается мертвым, но его вместе с тем не считают и в ряду живых; в этом случае родные думают, что он подвергает их проклятию за невыполнение долга.

Возможно, что кости в дупле липы, которые мы видели на кладбище у церкви св. Джграга, говорят не только о жертвоприношении духам предков (сваны широко практикуют поминальные обряды и помимо проведения поминальной трапезы, во время которой съедают много мяса, они ставят на могилы бутылки араки, кладут яблоки, лепешки и даже сигареты и спички), но и об обычае принесения бычков в жертву св. Джграгу.

Церковь св. Джграга в Местии ныне не действует, в ней открыт филиал музея. Но в прежние времена сюда весной и осенью, в дни праздников св. Джграга, приводили бычков. К их правому рогу привязывали зажженную свечку, а другую ставили в церкви (когда церковь закрыли, свечки стали прикреплять снаружи к дверям). Бычка трижды поворачивали на месте, правым плечом к церкви, а затем уводили его домой. Свечку с рога зажигали в доме, бычка резали, собирали его кровь в особый сосуд и приносили ее в жертву земле, выливая на землю в таком месте, где не бродят собаки, свиньи и т. п. (обычно в саду, обнесенном оградой). Печень и сердце бычка жарили мужчины данной семейной группы и съедали ее в качестве жертвы св. Джграгу (заметим, что они делали то же самое, что делают охотники на туров).

В прежние времена и даже в XX в., вплоть до закрытия церкви, мясо таких жертвенных бычков тут же варили в огромных котлах. Сейчас эти котлы хранятся в церкви в качестве музейных экспонатов.

Нам не удалось установить, куда девают кости жертвенных бычков, но, возможно, челюсти в дупле липы, принадлежали им. Вероятно,

⁴ Там же, т. I, М., 1960, стр. 185.

в некоторых семьях до сих пор придерживаются древнейшего обычая, предписывавшего забивать для «кормления» покойника животное (возможно, и кладут часть его туши в могилу). До сих пор старики, благословляя поминальный стол, говорят, что на том свете эту пищу должен будет употреблять покойный.

Обычай захоронения жертвенных животных во время погребения человека (или же умерщвление их для поминок как пережиток этого обычая) был распространен у многих народов Кавказа: осетины с древнейших времен клали в могилу коня (в XIX в. пережиток этого обряда выразался в том, что коню только надрезали ухо). У карачаевцев, кабардинцев, черкесов, ингушей существуют пережитки доисламских погребальных обрядов — на могилу ставят предметы, «нужные» в загробной жизни⁵. У армян на пасху приносили поминальное жертвоприношение «ахар» — забивали быка⁶ и т. д.

У многих индоевропейских народов в отдаленные времена подобный обычай имел весьма широкое распространение (так кости жертвенных животных находят, например, в древних захоронениях индоираноязычных племен — создателей срубной и срубно-андроновской культур, в могилах скифов, в славянских языческих погребениях). В северокавказских археологических культурах, включая кобанскую, обнаружено много могильников, в которых сохранились кости животных.

Возвращаясь к вопросу о поклонении св. Джграгу, богу воинов и охотников, можно высказать предположение, что имя его не является исконно картвельским, а восходит, возможно, к той далекой эпохе, в которую складывались, по выражению Г. А. Климова, «...разительные материальные встречи картвельских языков с индоевропейскими», а также возникал ряд передвижений, параллелей и рефлексов, типологически тождественных индоевропейским⁷.

Вместе с тем Г. А. Климов считает, что многие картвельско-индоевропейские параллелизмы типологически необъяснимы и часть из них «должна квалифицироваться как древние заимствования из какого-то индоевропейского источника и является результатом доисторических контактов носителей картвельских и некоторых индоевропейских языков»⁸. Такого же мнения придерживаются и другие специалисты⁹.

Мы не знаем, можно ли относить факты некоторых сванско-индоевропейских языковых сходжений к той эпохе, о которой Г. И. Мачавариани сказал, что «уже к III тысячелетию до н. э. можно отнести существование трех четким образом взаимно отграниченных праязыковых единств: абхазско-адыгского, картвельского и нахско-дагестанского»¹⁰. Функции святого-воина Георгия совпадают с функциями неизвестного нам бога-покровителя охотников и воинов, который, возможно, носил имя Джграга. Сваны, которых мы спрашивали о значении этого имени, поясняли, что это слово означает «тот, кто режет, воюет, убивает, побеждает людей и зверей». Если в памяти народа сохраняется такое значение слова, то можно предположить, что в ту эпоху, о которой и писали упоминаемые выше исследователи этим или этимологически близким именем определяли воина как собирательное понятие или бога воинов. Не исключено, что изображение близкого такому богу мифического персонажа и было обнаружено на аэродроме в Местии.

⁵ «Народы Кавказа», т. 1, стр. 186, 264, 386.

⁶ Там же, т. 2, стр. 532.

⁷ Г. А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964, стр. 26, а также стр. 20, 21, 24.

⁸ Там же, стр. 40.

⁹ В. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков), М., 1958, стр. 265—266.

¹⁰ Г. И. Мачавариани, К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях, Докл. на VII МКАЭН, М., 1964.